

На правах рукописи

Зуенко Иван Юрьевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ В КНР В 1977-1997 ГОДАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Тамбов 2021

Работа выполнена в отделе китайских исследований ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук»

Научный руководитель: **Иванов Сергей Александрович**
кандидат исторических наук

Официальные оппоненты: **Дацышен Владимир Григорьевич**
доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института

Карнеев Андрей Ниязович
кандидат исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», руководитель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Защита состоится «2» июля 2021 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.169.03 на базе ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова–Тян–Шанского», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6, ауд. 202 (зал заседаний диссертационных советов).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6 и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» <http://www.tsutmb.ru>

Автореферат разослан «_____» мая 2021 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Жуковская Н.Ю.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Коммунистический Китай начал реформы с конца 1970-х гг. и смог пережить не только крах социалистического лагеря на рубеже 1980–90-х гг., но и в последующем стать одной из ведущих держав мира. Причины этого успеха до сих пор являются предметом оживлённых дискуссий. Юбилейные даты 2021 г. явственно демонстрируют достижения страны: КНР празднует столетие правящей Коммунистической партии Китая (КПК), в России же вспоминают о тридцатилетии крушения КПСС и распада СССР.

В конце 1980-х гг. Китай пережил острый политический кризис, который мог привести к коллапсу государства или как минимум краху коммунистической партии. Однако режим устоял. Хотя ответ на вопрос «почему» нередко связан с ролью личности в истории или особенностями тысячелетних традиций страны, он должен учитывать системный характер кризиса мирового социалистического лагеря. Поэтому важнее понять, как Китай в отличие от большинства других соцстран смог успешно преодолеть его. Такие вопросы требуют изучения внутреннего устройства КНР и качеств государства, которые позволили преодолеть вызов. В этой связи управление регионами и система региональной власти становится одной из краеугольных проблем. Она показывает, как Пекин, отказавшись от директивно-планового управления, избежал потери контроля на местах, смог сохранить не только территориальные границы государства, но и необходимую управляемость, позволяющую решать стратегические задачи.

Исходя из этого, исторический анализ системы регионального управления в период реформ **представляет собой актуальную задачу**. Наиболее интересным для исследования является этап активных реформ, охватывающий два десятилетия с конца 1970-х до конца 1990-х гг. Именно в это время сложилась система регионального управления, которая с незначительными усовершенствованиями существует до настоящего времени¹.

¹ Bergsten, F. et al. *China's Rise: Challenges and Opportunities*. – Washington, 2009. – P. 108–110; *China's Provinces in Reform: Class, Community and Political Culture* / ed. by D. Goodman. – London, 1997. – P. 6–8.

Объект исследования: система государственного управления на провинциальном уровне КНР.

Предмет исследования: процесс трансформации региональной системы управления в КНР в 1977–97 гг. на примере провинции Хэйлуцзян.

Хронологические рамки исследования охватывают 1977–1997 гг. В этот период произошёл отход от практик управления, характерных для «культурной революции», к практикам, которые в общих чертах сохранились по настоящий момент. Трансформация региональной системы управления привязана к циклам общего политического процесса, вехами которого являются съезды КПК. Таким образом, работа охватывает период между XI и XV съездами.

Пространственные границы исследования с целью углубления анализа отдельных сфер региональной системы управления (устройство административного аппарата, субрегиональное управление, ротация руководящих кадров) сведены к провинции Хэйлуцзян. Выбор Хэйлуцзяна в качестве исследовательского кейса связан с тем, что этот регион граничит с Россией и является частью старого индустриального пояса КНР. С одной стороны, он обладает рядом характеристик, схожих с характеристиками промышленно развитых российских регионов: значительное число моногородов ресурсного типа, высокая концентрация устаревшей промышленной инфраструктуры, доминирование государственного сектора, сложности перехода от плановой экономики к рыночной, особая индустриальная субкультура местных сообществ. В дальнейшем эмпирику по этой провинции можно использовать для сравнения с российской действительностью. С другой стороны, понимание исторических особенностей формирования власти в соседнем с Россией регионе способно повысить эффективность российско-китайского приграничного взаимодействия.

Степень разработанности темы. Общие проблемы региональной системы управления являлись неотъемлемой частью многочисленных исследований политической системы КНР периода реформ. Обозначенными нами в диссертации вопросами занимались в основном западные исследователи, к числу которых мы также отнесли гонконгцев, работающих в англосаксонской традиции, а также хуацяо – выходцев из Китая, работающих в западных учреждениях.

Интерес западных учёных к устройству региональной власти в КНР чётко фиксируется уже в 1980-х гг. и связан с попытками найти бреши в кажущемся монолите китайской управленческой машины и обозначить вероятные направления её трансформации. Таковы монография Дэвида Гудмэна², статьи Мелани Мэнион³ и Эндрю Уолдера⁴; отчасти эти аспекты раскрыты в монографии Сьюзен Ширк «Политическая логика экономических реформ в Китае»⁵. Другим вопросом, которым активно интересовались западные исследователи, была трансформация фискальных отношений между Пекином и провинциями, справедливо понимаемая ими как ключевой аспект в центр-региональных связях. Этой проблемой занимались Джин Ой, Кристин Вонг, Мишель Оксенберг и Джеймс Тонг⁶.

Уже в 1990-е гг. на основе этих исследований теми же, а также новым поколением авторов, были написаны значимые работы по реформам в регионах и центр-региональным отношениям в целом⁷. Среди более поздних работ стоит отметить монографии

² Goodman, D. *China's Provincial Leaders, 1949–1985*. – Cardiff, 1986. – 297 p.

³ Manion, M. *The Cadre Management System, Post-Mao: the Appointment, Promotion, Transfer and Removal of Party and State Leaders* // *The China Quarterly* – 1985. № 102. – P. 203–233.

⁴ Walder, A. *Factory and Manager in an Era of Reform* // *The China Quarterly*. – 1989. – №118. – P. 242–264.

⁵ Shirke, S. *The Political Logic of Economic Reform in China*. – Berkeley, 1993. – 399 p.

⁶ Oi, J. *Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China* // *World Politics*. – 1992. – № 1. – P. 99–126; Wong, C. *Central—Local Relations in an Era of Fiscal Decline: The Paradox of Fiscal Decentralization in Post-Mao China* // *The China Quarterly*. – 1991. № 1. – P. 691–715; Oksenberg, M., Tong, J. *The Evolution of Central-Provincial Fiscal Relations in China, 1971-1984: The Formal System* // *The China Quarterly*. – 1991. – № 125. – P. 1–32.

⁷ Breslin, S. *China in the 1980s: Centre-Province Relations in a Reforming Socialist State*. – Basingstoke, 1996. – 208 p.; Li Chelan, L. *Centre and Provinces: China 1978-1993: Power as Non-Zero-Sum*. – Oxford, 1998. – 302 p.; Yang Dali. *Beyond Beijing: Liberalization and the Regions in China*. – London, 1997. – 224 p.; Wong, C. *Financing Local Government in the People's Republic of China*. – Oxford, 1997. – 400 p.; Walder, A. *Zouping in Transition: The Process of Reform in Rural North China*. – Harvard, 1998. – 304 p.

«Центрифужная империя» Чхун Чжэ Хо»⁸, «Де-факто федерализм в Китае: реформы и динамика центр-региональных отношений» Чжэн Юннися⁹, а также совместное исследование нобелевского лауреата Рональда Коуза и его китайского соавтора Ван Нина «Как Китай стал капиталистическим»¹⁰.

В целом, для западных работ характерно многообразие тем и подходов к изучению системы региональной власти в КНР, однако ведущим мотивом исследователей следует признать поиск «слабых мест» в китайской политической практике, предпосылок к децентрализации и демократизации политического режима, который в большинстве работ априори предстаёт как авторитарный.

Работы китайских учёных, в основном, фокусируются на двух аспектах: чисто прикладном – анализе фискальных взаимоотношений и практиках финансирования / субсидирования регионов, и в большей степени идеологическом – теоретическом обосновании новой, «рецентрализованной», политики Центра в отношении регионов.

Тематика структуры и функциональной организации государственного управления, а также отдельных практик, связанных с бюрократией (ротация руководящих кадров, набор на службу и карьерное продвижение, правовые аспекты деятельности госорганов) наиболее полно раскрыта в китайской науке. В целом, особенностями китайской историографии является деполитизация тематики, сведение её к прикладным аспектам, а также стремление оправдать, дать идеологическое и теоретическое обоснование тем или иным решениям центральных властей в отношении регионов¹¹.

Гораздо меньший по объёму, но важный пласт исследований представляют китаезычные работы тайваньских учёных. Имея широкий доступ к источникам и литературе на китайском языке, но в то же время не будучи связаны идеологическими рамками, они

⁸ Chung, Jae Ho. Centrifugal Empire: Central–Local Relations in China. – New York, 2016. – 232 p.

⁹ Zheng Yongnian. De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations. – New Jersey, 2008. – 460 p.

¹⁰ Коуз Р., Ван Нин. Как Китай стал капиталистическим / пер. с англ. – М., 2016. – 386 с.

¹¹ Подробный обзор китайской литературы по данной теме см. Зуенко, И. Ю. Центр-региональные отношения в КНР: историография и опыт составления источниковой базы // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2020. – № 4. – С. 71–90.

существенно расширили эмпирическую базу, введя в научный оборот ценные данные о функционировании региональной системы управления, прежде всего, её финансовых аспектов¹², а также взаимодействию с центральными ведомствами¹³.

Среди отечественных работ можно выделить, прежде всего, комплексные исследования специалистов по внутренней политике и китайскому конституционному праву: Л.М. Гудошникова и К.А. Кокарева, которые исследовали политическую систему КНР на разных этапах её развития¹⁴, К.А. Егорова, работы которого посвящены особенностям государственного аппарата КНР в 1970-е и 1980-е гг.¹⁵, М.В. Карпова, который в своей монографии «Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989 гг.)» проследил взаимосвязь экономической политики и внутриэлитных противоречий в конкретный, достаточно узкий период времени¹⁶.

В то же время отечественные исследования региональных аспектов политической системы КНР не получили должного развития в силу чрезмерной централизации синологической школы. Учёные рассматривали китайское государство, прежде всего, в преломлении к высшим органам власти, а работы по развитию

¹² Цао Хайтао. Чжунго далу дэ фэньцюань гайгэ юй дифан чжэнфу тоуцзы синвэй – цайчжэн юинь дэ гуаньдянь = Разделение властей и инвестиционное поведение местных правительств в материковом Китае с точки зрения финансовой мотивации // Чжунго далу яньцзю. – 2012. – № 2. – С. 1–42.

¹³ Чжу Синьминь. Чжунгун чжэнчжи тичжи гайгэ яньцзю: баши няндай хоу Чжунго далу дэ чжэнчжи фачжань = Исследование реформы политической системы КПК: политическое развитие материкового Китая после 1980-х годов. – Тайбэй, 1991. – 232 с.

¹⁴ Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80-90-е гг. XX в. / под рук. Л.М. Гудошникова. – М., 2001. – 418 с.; Гудошников, Л. М. Реформирование системы государственного управления в КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 4. – С. 36-44; Кокарев, К. А. Политический режим и модернизация Китая. – М., 2004. – 320 с.

¹⁵ Егоров, К. А. Государственный аппарат КНР. 1967-1981. – М., 1982. – 190 с; он же. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (80-е годы). – М., 1993. – 207 с.

¹⁶ Карпов, М. В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984-1989). – М., 1997. – 199 с.

отдельных китайских регионов, затрагивая внутривластные аспекты, не концентрировались на них. В результате целый ряд важнейших проблем современного Китая (устройство административного аппарата на региональном уровне, динамика его реформирования, взаимоотношения центральных и региональных ведомств), неплохо изученных на Западе и в Китае, недостаточно раскрыты в русскоязычной синологии. При этом отдельные работы опубликованы по таким важным вопросам, как формирование кадровой системы государственной службы¹⁷, ротация руководящих кадров¹⁸, фискальные и финансовые взаимоотношения Центра и регионов¹⁹, административно-территориальное устройство²⁰.

В целом, отечественная историография комплексно не изучала вопрос трансформации системы управления в регионах КНР. Западные исследования, изучая центр-региональные отношения и развитие органов управления в регионах методом кейсов, не прослеживали их в длительной исторической динамике. А развитие региональной системы управления в материале провинции Хэйлуцзян не рассматривалось, в т.ч. в китайской историографии.

¹⁷ Барциц, И. Н., Дёмин, А.А. Государственная служба в современном Китае: учебно-методическое пособие. – М., 2007. – 47 с.; Сельцер, Д. Г. Изучение системы административного рекрутинга и государственного чиновника современного Китая методом глубинного интервью // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – № 12. – С. 786–788; он же. Реформы современного Китая в интерпретации китайских руководителей: «случай Суйнина» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – № 12. – С. 788–792.

¹⁸ Иванов, С. А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. – 2011. – №2. – С. 143–153.

¹⁹ Он же. Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2012. – №2. – С. 41–48; Кадочников, Д. Б. Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его значение для России // Terra Economicus, 2016. – № 2. – С. 109–126; Кондрашова, Л. И. Китай: эволюция финансовых отношений между Центром и регионами // Проблемы теории и практики управления. – 2005. № 4. – С. 38–43.

²⁰ Она же. Реформа административно-территориального устройства КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 1 – С. 70–81.

Таким образом, проблема трансформации региональной системы власти и управления КНР в 1980-90-х гг. изучена фрагментарно и требует специального исторического исследования.

Цели и задачи исследования. Цель данной работы – выявление закономерностей и причинно-следственных связей, характерных для развития региональной системы управления в КНР на провинциальном уровне в период с 1977 по 1997 гг.

Достижению поставленной цели способствует последовательное решение следующих задач:

- выявить особенности устройства региональной власти в КНР к моменту окончания «культурной революции» и провести периодизацию её развития с 1977 по 1997 гг.
- определить влияние политической борьбы в КПК на развитие региональной системы управления.
- проследить эволюцию политики Центра по отношению к регионам.
- определить особенности субрегионального управления на примере провинции Хэйлунцзян.
- исследовать динамику структуры и кадрового состава органов управления в провинции Хэйлунцзян.

Характеристика источников. Источниковая база исследования состоит из обширного материала на китайском, английском и русском языках. Архивные материалы среди них отсутствуют в силу недоступности китайских архивов для зарубежных исследователей²¹. В то же время значительный массив документов для служебного пользования и официальных хроник, основанных на архивных материалах, был собран в ходе работы в отделах местной документации провинциальных и городских библиотек КНР. Кроме того, в последние годы активно публикуются мемуары, воспоминания участников событий, связанных с политикой реформ и открытости.

В целом, мы имели достаточную возможность изучить документы, необходимые для решения задач диссертации. При этом большинство источников, используемых в работе, введено в научный оборот впервые.

²¹ Иванов, С. А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2020. – № 4. – С. 57–58.

Среди них: 1) законодательные документы и актовый материал, 2) произведения, тексты выступлений и интервью официальных лиц, 3) официальные хроники, ежегодники и справочники, издаваемые при участии государственных ведомств, 4) статистические ежегодники, 5) мемуары, воспоминания и свидетельства участников событий, 6) материалы периодической печати. Совокупность и взаимодополняемость этих источников позволила сформировать целостную картину описываемых событий.

Делопроизводственные документы, выступления официальных лиц и материалы китайской периодической печати послужили основой для реконструкции политического процесса в 1977–97 гг. в общенациональном масштабе. Накоплению достаточного эмпирического материала по этим группам источников способствовала активная работа по оцифровке имеющихся документов, проводимая китайскими специалистами.

Основным источником для реконструкции политического процесса в провинции Хэйлунцзян стали провинциальные хроники и ежегодники, которые издавались на всём протяжении периода исследования. В них содержится краткое описание событий, тексты речей и выступлений руководителей, статистические выкладки, актовый материал за тот или иной год. Отдельного внимания заслуживают провинциальные ежегодники по линии гражданской администрации, издаваемые с 1986 г. и содержащие данные по структуре и функционалу региональных и субрегиональных администраций²². Другим источником данной информации стали отдельные тома фундаментального «Справочника провинции Хэйлунцзян», выпущенного Канцелярией народного правительства в начале 2000-х гг., а именно: том № 60 – справочник по политическим органам и том № 62 – справочник по гражданской администрации²³. Указанные источники, содержащие уникальную информацию, дополняющую и конкретизирующую на региональном материале

²² Хэйлунцзян шэн миньчжэн няньцзянь... = Ежегодники гражданской администрации провинции Хэйлунцзян... Различные годы.

²³ Хэйлунцзян шэн чжи, миньчжэнчжи (ди 62 цюань) = Справочник провинции Хэйлунцзян, справочник по гражданской администрации (62 том). – Харбин, 1993. – 660 с.; Хэйлунцзян шэн чжи, чжэнцюаньчжи (ди 60 цюань) = Справочник провинции Хэйлунцзян, справочник по политическим органам (60 том). – Харбин, 2003. – 915 с.

документы ЦК КПК и Госсовета КНР, были обнаружены в отделе местной документации библиотеки провинции Хэйлуцзян (г. Харбин).

Группа статистических ежегодников использовалась нами для составления ретроспективных таблиц по различным показателям политического и экономического развития КНР²⁴. Мы уделили особое внимание сопоставлению данных разных отчитывающихся органов между собой, а также с данными из зарубежных источников по отдельным сферам развития страны. Такой подход позволил нивелировать возможные намеренные и технические искажения данных, публикуемых в статистических сборниках.

Полученные таким образом эмпирические данные были дополнены изучением материалов устной истории и мемуаров представителей центральной²⁵ и региональной²⁶ политической элиты. В условиях цензуры и доминирования официальной идеологии в общественно-политическом дискурсе таким документам о начальном периоде реформ свойственна аполитичность и стремление сгладить социальные и политические конфликты эпохи.

²⁴ Хэйлуцзян тунци няньцзянь... = Статистический ежегодник провинции Хэйлуцзян... Различные годы. Чжунго тунци няньцзянь... = Статистический ежегодник Китая... Различные годы.

²⁵ Zhao Ziyang. Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang. – New York, 2009. – 590 p.; Дэн Лицзюнь. Дэн Лицзюнь цзышу: ши эр гэ чунь цю (1975-1987) = Автобиография Дэн Лицзюня: хроника двенадцати лет (1975-1987). – Гонконг, 2006. – 547 с.; Тянь Цзюнь. Вань Ли: Гайгэ кайфан дэ да гунчэнь = Вань Ли: Передовик политики реформ и открытости // Яньхуан чуньцзю, 2006. № 5. – С. 18-38; Ли Ланьцин. Прорыв: как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ в Китае посвящается. – М., 2010. – 472 с.; Сян Хуайчэн. Циньли фэньшуйчжи гайгэ = Воспоминания о реформе фискальной системы. [Электронный ресурс]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/> (дата обращения: 22.03.2021); Гао Юн. Во гэи Ху Яобан дан мишу = Я служил секретарём у Ху Яобана / Гао Юн. – Пекин, 2016. – 348 с.; Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ // Инф. бюллетень. М.: ИДВ, 1996. № 11. Ч. 2. – 147 с.

²⁶ Чэнь Лэй хуйилу: чжэнтю суйюэ = Воспоминания Чэнь Лэя: годы и месяцы трудового похода. – Харбин, 1991. – 315 с. Сянь цзоу и бу чжэнь сянь цзоу: Жэнь Чжунъи фантаньлу = Сделать первым – значит, сделать первым: интервью с Жэнь Чжунъи // Гуандун кайгэ кайфан цзюэцэчжэ фантаньлу = Сборник интервью с руководителями Гуандуна периода реформ и открытости. – Гуанчжоу, 2008. – 151 с.

Поэтому при их использовании мы учитывали обстоятельства их произнесения или написания, а также тот факт, что до нас эти тексты в основном дошли уже в переработанном и отцензурированном виде²⁷.

Материалы периодической печати, помимо их использования для реконструкции политического процесса в целом, использовались нами также как вторичный источник информации о действиях местных администраций в ответ на концептуальные указания Центра. При этом следует отметить, что вторая половина 1980-х гг. и, прежде всего, период 1987–1989 гг. – это время, когда средства массовой информации хоть и проходили цензуру, но в условиях нарастающего межфракционного конфликта в КПК нередко публиковали материалы с разными точками зрения на текущие проблемы страны. Именно тогда в центральной и региональной прессе появляется целый ряд материалов, критикующих инициативы отдельных чиновников или же раскрывающих расхождение центральной и региональной политики.

Методология исследования. В основе исследования лежат специально-исторические методы и подходы.

Историко-системный подход направлен на изучение направлено на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезис). Гносеологический потенциал историко-системного подхода не исчерпывается только описанием структурно-функциональных параметров исторических объектов или явлений (в данном случае региональной системы управления в КНР 1980–90-х гг.) – он позволяет перейти от конкретно-исторического объяснения к пониманию принципов функционирования современного китайского государства.

²⁷ Указания на противоречия в текстах одних и тех же выступлений разных лет (в том числе Дэн Сяопина) содержатся в исследованиях: Иванов, С.А. Победителей не судят... С. 64; Schoenhals M. Edited Records: Comparing Two Versions of Deng Xiaoping's "7000 Cadres Conference Speech" // CCP Research Newsletter. – 1988. – № 1. – P. 5–9. Ню Цзюнь. Чжунго дуйвай чжэнцэ фэньси чжундэ лиши бяочжи = Исторические координаты анализа внешней политики Китая // Вайцзяо пинлунь. – 2010. – № 4. – С. 27–31.

Историко-генетический метод используется для реконструкции и анализа формирования системных условий, в которых действовала местная бюрократия.

Историко-сравнительный метод используется для определения качественных характеристик и места органов управления отдельной провинции в общенациональной системе власти, для получения выводов о мотивации региональной элиты при взаимодействии с Центром. Через сопоставление официальной риторики и наблюдаемых результатов, а также материалов мемуаров и воспоминаний, предпринята попытка определить места расхождения официального дискурса и реальной ситуации.

Также в работе использованы общенаучные методы (описание, индукция, дедукция, синтез). Работа основана на принципе историзма, согласно которому рассматриваемое явление исследуется нами в хронологической последовательности с выявлением причинно-следственных связей.

Теоретическая основа диссертации. Рассматривая процесс развития органов, обладающих государственной властью и выполняющих общественно полезные функции управления, мы исходим из понимания сущности государства и бюрократии, заложенного на рубеже XIX-XX вв. Максом Вебером.

Вебер понимал под государством автономно действующий институт с легитимной монополией на насилие²⁸, а под бюрократией – сплоченную социальную группу со специфическими взглядами и ценностными ориентациями, которая не ограничивается своими инструментальными функциями, а стремится к обладанию властью²⁹. Причем, как подчеркивал Вебер, бюрократия склонна отстаивать интересы своей группы под видом государственных; чиновников прежде всего отличает заинтересованность в сохранении самого бюрократического аппарата и продолжении его рационально организованного господства, что выражается через уменьшение власти неподконтрольных бюрократам институтов и расширение собственного влияния³⁰.

²⁸ Вебер, М. Власть и политика / пер. с нем. Б.М. Скуратова и А.Ф. Филиппова. – М., 2017. – С. 254.

²⁹ Цит. по Масловский М.В. Социология политики: классические и современные теории / М.В. Масловский. – М., 2004. – С. 16.

³⁰ Там же.

Принимая во внимание специфичность исторического материала, с которым мы имеем дело, говоря о реформах в Китае 1980-90-х гг., мы, безусловно, не можем ограничиться только рамками предложенной Вебером теории. Поэтому нами также использованы положения таких теоретических концепций как теория автономности государства Майкла Манна и теория принципал-агента Майкла Дженсена и Уильяма Меклинга.

Теория принципал-агента позволяет дать интерпретацию взаимодействию центральных и региональных государственных ведомств. Она фокусируется на взаимоотношениях «принципала» (в случае Дженсена и Меклинга под ним понимались инвесторы корпорации) и «агента» (наёмного менеджера), который действует в своих интересах³¹. В нашем случае «принципалом» (стороной, находящейся в высшей иерархической позиции и выдающей поручения) является Центр, а «агентом» (стороной, находящейся в низшей иерархической позиции и выполняющей поручения) – местные органы управления. Идеи Дженсена и Меклинга были развиты Джорджем Акерлофом, который указал, что ключевое значение в принципал-агентских отношениях имеет асимметричность информации³². Агент, владеющей большей информацией о предмете поручения (в нашем случае ситуацией на подведомственной территории), использует данное преимущество в своих целях. Аналогичным образом, по нашему мнению, действуют и региональные власти, интересы, которых, как следует из теоретических установок Вебера и Манна, могут не соответствовать интересам Центра, и которые действуют с целью увеличения своего благосостояния за счёт ресурсов Центра и асимметричного доступа к информации. Эффективно контролировать действия агента при этом практически невозможно, а создаваемые принципалом механизмы аудита (в нашем случае – деятельность контролирующих ведомств) подпадают под влияние агентов. Таким образом, «агентские издержки» в теории корпоративного управления в рассматриваемой ситуации воплощены в ресурсах, которые Центр теряет из-за

³¹ Jensen, M., Meckling, W. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. – 1976. – № 4. – P. 305–360.

³² Акерлоф, Д. Рынок «лимонов»: неопределённость и рыночный механизм / пер. с англ. Е.И. Николаенко // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 91–104.

отсутствия эффективного контроля над «агентом» – местными властями.

Теоретическая значимость исследования заключается в применении указанных выше подходов к региональной системе управления и центр-региональным отношениям в КНР, что позволяет расширить понимание принципал-агентских отношений, в том числе в перспективе применительно и к центр-региональным отношениям в России.

Научная новизна исследования заключается в том, что осуществлено историческое исследование процесса трансформации региональной системы управления КНР в 1970-90-х гг. с фокусом на провинцию Хэйлуцзян; проведён анализ центр-региональных отношений, выявлены факторы принятия курса на децентрализацию и его сворачивание в указанный исторический период.

Практическая значимость исследования. Практическое значение для совершенствования российско-китайского регионального сотрудничества имеют выводы работы об устройстве провинциальных органов управления в КНР. Результаты исследования могут быть использованы практическими работниками для более адекватного понимания специфики взаимодействия с региональными администрациями КНР, формирования стратегии приграничного сотрудничества с регионами КНР, а также в преподавательской деятельности по курсам «Новейшая история КНР» и «Социально-политическая система КНР». Выводы о китайском опыте трансформации региональных систем власти советского типа могут быть полезными в рамках компаративистских исследований, посвященных сравнению развития России и Китая в последние десятилетия XX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. На всех этапах своего развития в 1977–97 гг. система регионального управления в КНР находилась под влиянием внутрисполитической борьбы. Она определяла выбор стратегии развития китайского государства после смерти Мао Цзэдуна. Острая фаза борьбы завершилась только после укрепления власти «третьего поколения руководителей» в 1992 г. С этого времени руководство страны отказалось от идеи радикальных политических реформ, в том числе на уровне регионального управления.

2. Стремление различных руководителей Китая получить поддержку региональных элит привело к усилению

административных и экономических позиций регионов в 1980-х гг. В 1990-е гг. с консолидацией руководства на центральном уровне Пекин стал возвращать контроль над фискальными доходами и кадровой политикой на местах. Региональные элиты не могли сопротивляться централизаторским тенденциям из-за усиления аппарата принуждения после «тяньаньмэньских событий».

3. Перераспределение фискальных доходов было ключевым фактором баланса центр-региональных отношений. Крен в сторону доходов регионов, характерный для 1980-х гг., привёл к ослаблению центрального контроля и стимулировал региональный протекционизм, способствовавший фрагментации национальной экономики. В провинции Хэйлуцзян это проявлялось в потере мотивации к реструктуризации устаревающего индустриального сектора, закреплению периферийного положения региона.

4. Комплекс централизаторских реформ, проведённых в середине 1990-х гг., решил проблему нарастающих центробежных тенденций и позволил Центру сконцентрировать финансовые ресурсы. В то же время заложенные в этих реформах противоречия привели к росту местных долгов, снижению мотивации и эффективности действий регионального руководства, его ориентации на сиюминутный результат. Ряд китайских регионов, включая провинцию Хэйлуцзян, при этом превратились в дотационные, зависящие от трансфертов Центра, что ограничило их эффективное развитие.

5. Взаимодействие центральных и региональных властей в рассмотренный период характеризуется противоречивостью и многофакторностью. Центр не всегда оказывался способен контролировать ситуацию на местах, а региональные элиты имели возможность безнаказанно игнорировать невыгодные для себя установки Пекина, что чётко прослеживается на примере нескольких неудачных кампаний по реструктуризации и сокращению административного аппарата провинции Хэйлуцзян.

Степень достоверности исследования основана на тщательном поиске и анализе первичных источников. Благодаря сопоставлению разных точек зрения, описание исторических процессов достоверно, выводы работы объективны.

Диссертационное исследование и полученные выводы **соответствуют паспорту специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новейшая история (XX-XXI вв.))**. Следующие области

исследования отражены в диссертации: п. 6. Новейшая история (XX-XXI вв.); п. 11 Макро- и микроистория; п. 13. Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены автором в ходе очного участия на пяти международных научно-практических конференциях, в том числе одной – за рубежом (XX-я конференция Европейской ассоциации китаеведов, Португалия: Брага, Коимбра, июль 2014 г.), одной – на базе Института Дальнего Востока РАН (XIX-я конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», октябрь 2011 г.), двух – на базе Института востоковедения РАН (I-й Съезд молодых востоковедов России и СНГ, Звенигород, октябрь 2012 г.; XLIII-я конференция «Общество и государство в Китае», март 2013 г.), одной – в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (конференция «Перестройка и российские регионы: 30 лет спустя», октябрь 2015 г.).

Также тезисы работы апробированы на четырёх всероссийских конференциях молодых учёных (с международным участием) на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2010, 2012, 2014 и 2016 гг., десяти региональных симпозиумах и круглых столах в 2010-2020 гг.

Ключевые положения исследования отражены в 20 публикациях, в том числе 4 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК, 2 главах коллективных монографий, 5 статьях в изданиях, индексируемых системой РИНЦ и 9 докладах в сборниках материалов по итогам научных мероприятий.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, разбитых на три параграфа каждая, заключения, раздела примечаний, списка источников и литературы, а также приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации и охарактеризована степень её изученности, на основании чего

делается вывод о необходимости самостоятельного исторического исследования. Определены объект, предмет, хронологические и пространственные рамки диссертации, поставлены цель и задачи. Охарактеризована источниковая база работы, описаны методология и теоретическая база исследования. Сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов работы, содержатся сведения об их апробации.

Глава 1 «Развитие региональной системы управления в 1977–97 гг. в контексте политической борьбы в КНР» состоит из трёх параграфов и посвящена развитию системы регионального управления в 1977–97 гг. в контексте внутривластной борьбы, которая определяла стратегию развития китайского государства после смерти Мао Цзэдуна.

Разбивка двадцатилетнего периода на три параграфа соответствует трём этапам, вехами между которыми являются съезды правящей партии, фиксировавшие изменения предыдущего этапа внутривластной борьбы и устанавливающие повестку на последующий период.

В параграфе 1.1 «Трансформация системы управления в начальный период реформ» обосновывается выбор XI-го съезда КПК (август 1977 г.) как отправной точки исследования и прослеживается процесс развития региональной системы управления до 1982 г. Особое внимание уделяется «революционным комитетам» (ревкомам) – специфическим органам, объединившим функции власти и управления на местах в рамках курса Мао Цзэдуна на децентрализацию и дебиюрократизацию.

Отмечается, что существовавшая к 1977 г. система имела ряд институциональных и кадровых проблем. Не были разграничены функции ревкомов и партийных комитетов; не было реализовано на практике подчиненное положение ревкомов по отношению к представительным органам власти, закрепленное в конституции. Леворадикальные «выдвиженцы культурной революции» в руководстве регионов – прежде всего, из числа военных – проявляли себя как неэффективные управленцы. Усиление их самостоятельности грозило вернуть Китай в «эпоху милитаристов». «Старые кадры», имеющие значительный практический опыт работы в 1950–60-х гг. и подвергшиеся гонениям в годы «культурной революции», в основном были отстранены от власти. Молодое поколение под воздействием массовых политических кампаний

1960–70-х гг. лишилось доступа к образованию, было дезориентировано и демотивировано, психологически сломлено, настроено недоверчиво по отношению к власти. Таким образом, к началу пятилетнего цикла 1977–82 гг. назрела задача реформирования системы управления в регионах: как в кадровом, так и в институциональном отношении.

Бедственное положение в национальной экономике, а также идеологические разногласия между представителями различных течений внутри КПК, предопределили эскалацию внутриэлитного противостояния. На данном этапе: между выдвинутыми «культурной революции» («абсолютистами») и сторонниками «старых кадров» («прагматиками»). В результате победы «прагматиков» было проведено институциональное и кадровое обновление органов власти и управления, в т.ч. и в регионах. Были упразднены ревкомы и на их месте созданы народные правительства, проведена реорганизация их структуры. Значительно усилена роль собраний народных представителей. Прекращена практика совмещения в одних руках высших военных, партийных и административных должностей. Проведена массовая реабилитация «старых кадров».

В параграфе 1.2 *«Углубление реформ и вопрос о политических преобразованиях»* показывается, как дальнейшее развитие реформ в середине 1980-х гг., с одной стороны, привело к нарастанию децентрализационных тенденций, с другой стороны, поставило регионы в зависимое положение от результатов фракционной борьбы между сторонниками либерализации политического режима и более решительного движения по направлению к рынку («реформаторов») и сторонниками более осторожного, последовательного проведения реформ («консерваторов»). В политической сфере основным предметом разногласий явился вопрос о политической реформе.

Реформаторы выступали за либерализацию политического процесса (реформирование партии, партийно-государственных отношений, дальнейшее движение в сторону децентрализации). Студенческие протесты осени 1985 г., участники которых были недовольны побочными эффектами «половинчатых» экономических реформ – прежде всего, инфляцией и коррупцией, представлялись «реформаторам» свидетельством готовности общества к более глубоким политическим реформам. Между тем, консерваторы

понимали политическую реформу исключительно как кампанию по оптимизации системы управления на различных уровнях при сохранении строгого партийного контроля, в т.ч. в сфере центр-региональных отношений. Данной точки зрения придерживался и Дэн Сяопин, в остальном стремившийся лавировать между фракциями.

Отношения между двумя течениями в КПК всё более поляризовались и вылились в волнения 1986 и 1989 гг., по итогу которых лидеры реформаторов потерпели аппаратное поражение. В руководстве КПК возобладала консервативная реакция. Для системы регионального развития это означало снятие с повестки вопроса о разграничении партийных и административных органов, а также привело к постепенному переходу к политике рецентрализации.

Консолидация политической элиты, произошедшая на рубеже 1980–90-х гг., способствовала качественному углублению реформ, о чём говорится в *параграфе 1.3 «Правоцентристский курс в реформе региональной системы управления»*. Значительное внимание в нём уделяется факторам, позволившим магистральному направлению политики КПК мирно эволюционировать от консерватизма к умеренному правоцентризму, который, начиная с 1992 г. олицетворяли Цзян Цзэминь и Чжу Жунцзи.

Также в параграфе последовательно раскрываются меры нового руководства КНР, которое, решая задачи по социально-экономическому развитию страны в новых, скорректированных после периода 1989–92 гг. системных условиях, успешно провело рецентрализацию, сформировало систему госслужбы, выработало соответствующий правовой фундамент. Завершивший четвёртый из разобранных пятилетних циклов XV-й съезд КПК (сентябрь 1997 г.) укрепил характер политической системы КНР. Съезд подчеркнул неприемлемость для Китая западных политических моделей: прежде всего, системы разделения властей и прямой демократии. Ядром китайской модели была названа система СНП и многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК. Это и явилось завершением процесса трансформации системы регионального управления в 1977–1997 гг.

Глава 2 «Функции и структура провинциальных органов управления» призвана раскрыть в исторической динамике и на конкретном примере провинции Хэйлуньцзян отдельные аспекты функционирования системы регионального управления в КНР.

Параграф 2.1 «Политика Центра в отношении регионов» посвящен центр-региональным отношениям и взаимодействию между центральными ведомствами и региональной администрацией. В нем делается вывод, что местные правительства, где еще в период «культурной революции» были созданы всеобъемлющие и самодостаточные структуры для управления региональной экономикой, воспользовались готовностью Центра предоставить им больше полномочий и свобод в условиях политической борьбы линий Дэн Сяопина и Хуа Гофэна на рубеже 1970–80-х гг. Результатом стал рост социально-экономических показателей, не свободный, однако, от ряда побочных эффектов. Так, экономика различных провинций росла непропорционально, что создавало социальные и политические риски. Существовавшая с конца 1970-х гг. фискальная система стимулировала власти на местах поддерживать местное производство, даже несмотря на его убыточность. Как следствие, вместо конкуренции процветал региональный протекционизм, грозивший ещё больше фрагментировать национальную экономику.

Сложившаяся ситуация представляла собой серьёзный вызов дальнейшему развитию КНР как единого унитарного государства. Центр не имел достаточно финансовых и административных ресурсов для того, чтобы осуществлять программы, направленные на выравнивание регионального развития. Поэтому после стабилизации внутривластной обстановки в начале 1990-х гг. была начата политика децентрализации. Её ключевым мероприятием стала комплексная фискальная реформа 1994 г., в результате которой основная часть налоговых поступлений стала уходить в Центр, который взамен начал субсидировать регионы с помощью компенсационных и целевых трансфертов. Данная реформа послужила своего рода водоразделом в истории развития центр-региональных отношений в Китае и сформировала модель этих отношений, которая с незначительными видоизменениями существует по сей день.

Параграф 2.2 «Субрегиональное управление и ротация руководящих кадров» охватывает вопросы управления внутри провинции, для чего раскрываются темы административно-территориального устройства и ротации провинциальных лидеров в Хэйлунцзяне. В нем изучена логика политики Центра в отношении регионального и субрегионального управления в течение всего

рассмотренного периода. Сделан вывод, что Пекин, во-первых, стремился ускорить урбанизацию и экономический рост с опорой на наиболее перспективные города; во-вторых, пытался не допустить дробление страны на квазинезависимые «удельные царства» по провинциям. Решению этой задачи способствовала реформа административно-территориального деления с поглощением округов городами, выведение крупных городов из-под подчинения провинциальных правительств и активизация ротации руководящих кадров (после 1993 г.). Как следствие, в течение 1980–90-х гг. влияние провинциального аппарата управления на субпровинциальный уровень последовательно снижалось, а угроза фрагментация страны была преодолена. Побочными эффектами такой политики стало увеличение административного аппарата теперь уже на окружном и уездном уровне и снижение его эффективности. В то же время в мотивации руководящих кадров появилось ощущение временности своего положения, желание поскорее добиться перевода на более привлекательное место службы и, как следствие, замалчивать имеющиеся системные проблемы (например, убыточного госсектора и положения в моногородах) и делать упор на достижении быстрых резонансных результатов ценой чрезмерного кредитования и излишних инвестиций в капитальное строительство.

Параграф 2.3 «Реорганизация провинциального аппарата управления» характеризует устройство провинциального аппарата управления (революционный комитет, народное правительство) в исторической динамике. Отмечается, что итогом 20-летнего пути трансформации системы управления на местах стало значительное усложнение, увеличение административного аппарата: как по числу его подразделений, отвечающих за различные сферы работы, так и по численности штата. Неоднократные попытки бороться с «разбуханием» административного аппарата в конечном итоге ни к чему не привели. Бюрократическая система раз за разом проявляла удивительную способность к воспроизводству, и за каждой кампанией по реорганизации следовало рецидивное увеличение аппарата, возвращающее количественные характеристики, а, следовательно, и объёмы расходов на содержание на прежний уровень.

Установленное в параграфе утяжеление структуры народного правительства явилось следствием усложнения китайской

экономики. Если в конце 1970-х гг. главной функцией ревкомов было непосредственное управление государственными предприятиями, то в течение 1980–90-х гг. правительства перешли к косвенному управлению в условиях бурно и не всегда предсказуемо развивающейся экономики. Это потребовало увеличения числа структур, занимающихся взаимодействием с новыми хозяйственными субъектами, другими провинциями, нижестоящими органами, взиманием новых налогов, охране окружающей среды вследствие её загрязнения и т.д.

Другим объективным обстоятельством разветвления структуры местных правительств стало желание Центра сэкономить ресурсы и возложить многие государственные функции на провинциальные бюджеты. Однако, основным механизмом, приведшим к расширению административного аппарата, следует признать качества, заложенные в бюрократии априори. Сталкиваясь с ультимативным требованием Центра по реорганизации аппарата с целью, прежде всего, экономии средств, региональная бюрократия спешила выполнить это требование по формальным критериям, одновременно стремясь максимально сохранить свои функции, штаты и политическое влияние.

Общие выводы, полученные в результате последовательного решения поставленных задач, представлены в **заключении**.

Утверждается, что на всём протяжении рассматриваемого периода развитие региональной системы управления в КНР находилось под определяющим влиянием двух процессов:

- политической борьбы в элите КПК за возможность определять вектор развития Китая, активный этап которой начался со смертью Мао Цзэдуна в 1976 г. и фактически завершился лишь в 1992 г. с уходом с политической сцены Дэн Сяопина и его ровесников и укреплением у власти правоцентрично настроенных руководителей;

- эволюции центр-региональных отношений от децентрализационного тренда, установленного в годы «культурной революции» и поддержанного в первые годы после её окончания, к мероприятиям по централизации, которые были осуществлены уже после 1992 г. в условиях преодоления фракционных противоречий.

Оба процесса оказались тесно связаны друг с другом. Так, причины поддержки на рубеже 1970–80-х гг. руководителями страны (как Хуа Гофэном, так и Дэн Сяопином) курса на децентрализацию

кроются в их желании получить поддержку региональных элит в условиях фракционного противоборства. Улиение разногласий внутри «линии Дэн Сяопина» способствовало росту влияния регионов, некоторые из которых в новых экономических и политических условиях смогли стать движущей силой китайских реформ.

Подобное положение способствовало расширению влияния региональной бюрократии. Действия Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» были направлены как раз на зачистку элиты и создание на её месте компактной, мобильной, универсальной, способной действовать автономно номенклатуры на основе военных кадров. Однако этот курс был полностью пересмотрен в течение последующих двух десятилетий. Уже в первые годы после завершения «культурной революции» во власть вернулись «старые кадры», что было одновременно как следствием, так и необходимой предпосылкой победы линии Дэн Сяопина в его борьбе против выдвиненцев «культурной революции». В условиях ослабления Центра «старые кадры» способствовали дальнейшей бюрократизации региональной системы управления. Это было обусловлено особенностями жизненного пути «старых кадров», которые были охвачены реваншистскими настроениями, воспринимали своё возвращение к власти как восстановление справедливости, обладали своего рода неприкосновенностью.

На практике это привело к стремительному расширению административного аппарата на местах, параличу функций макроконтроля со стороны Центра. В полном соответствии с вебериянскими представлениями о бюрократии, региональная элита стремилась присвоить максимальное количество ресурсов в тех рамках, которые были установлены раздираемым противоречиями Центром. Успех действий региональной бюрократии легко объясняется через концепцию принципал-агента, в которой принципал (Центр) не был способен установить должный контроль над агентом (региональной бюрократии) в условиях асимметричного доступа к информации о положении на местах.

Материалы об устройстве аппарата управления в провинции Хэйлунцзян служат ярким примером того, как неизменно проваливались намеченные Центром мероприятия по реорганизации структуры и оптимизации расходов. Аналогичным образом выглядела имплементация решений по Центра по реструктуризации

госсектора, реформе цен, внедрению частного предпринимательства. На пике децентрализационных тенденций (1983–89 гг.) подобная неуправляемость регионов привела к росту регионального протекционизма в экономике, межрегиональной конкуренции, фрагментации рынка, что вкупе с сокращением фискальных доходов Центра грозило подорвать унитарное устройство государства.

Уже к 1985 г. Центр вплотную подошёл к осознанию необходимости рецентрализационных мероприятий, однако не смог их провести ввиду фракционных противоречий между «реформаторами» и «консерваторами» и нестабильности в стране, вылившейся в студенческие выступления в 1985, 1986 и 1989 гг.

По той же причине не была реализована и политическая реформа, предполагавшая разделение партийного и административного аппарата. Несмотря на принятие по инициативе «реформаторов» соответствующего решения в 1987 г., проведение реформы саботировалось властями на местах при поддержке «консерваторов» в Центре. После подавления протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. вопрос департократизации системы управления вовсе был снят с повестки. Реформистская риторика, необходимая властям для обеспечения преемственности и получения общественной поддержки, оперировала уже совершенно другим содержанием «политической реформы» – под ней подразумевалась реорганизация аппарата управления в духе сокращения числа бюрократических структур и оптимизации расходов, усиление роли партии и борьба с коррупцией.

Вместе с тем, «консерваторы», одержавшие победу в 1989 г., фактически не смогли воспользоваться плодами своего успеха, поскольку либо по возрасту (как т.н. «старые кадры»), либо по состоянию здоровья (как премьер Госсовета Ли Пэн), не могли больше играть активную роль. В то же время следствием консервативных, охранительных тенденций, возобладавших в политике после выступлений на площади Тяньаньмэнь и наблюдения за крушением КПСС, стали консолидация высших постов в партии, государстве и армии в руках нового, прагматично настроенного руководства, а также усиление репрессивных функций государства, фактически исключая широкие антиправительственные выступления.

В результате, в 1993–1994 гг. Центр смог договориться с региональными элитами о значительном сокращении их

самостоятельности и до некоторой степени укрепил контроль с помощью системы ротации кадров. Эта система стала для региональных элит действенным механизмом повышения своего статуса, так как давала возможность сделать карьеру в центральных органах, и востребованность региональных кадров в 1990-х гг. значительно возросла по сравнению с предыдущим периодом. Ключевым моментом стала фискальная реформа, изменившая порядок взимания налогов в пользу Центра и поставившая регионы в зависимое от него положение. Ряд провинций, включая Хэйлунцзян, при этом превратились в дотационные, зависящие от трансфертов Центра, что ограничило их эффективное развитие.

Описанная выше «рецентрализованная» модель центр-региональных отношений вкупе с проведённой ещё на рубеже 1970–80-х гг. институциональной реформой определила характер региональной системы управления к концу исследованного нами периода (конец 1990-х гг.). Подчеркнём, что этот характер был продиктован всем ходом политического процесса в Китае, начиная с завершения «культурной революции», и отвечал тем вызовам, с которыми столкнулось китайское руководство, рисковавшее на определённом этапе лишиться КНР как унитарного партократического государства. Установление такой системы представляется одним из главных отличий Китая рубежа 1980–90-х гг. по сравнению с советскими реалиями, где потеря Центром контроля над местными элитами и процессами в регионах привела к итоговому коллапсу государства.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

**Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК
Министерства науки и высшего образования Российской
Федерации:**

1. Зуенко И.Ю. О статусе городов субпровинциального значения в КНР / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. – 2012. – №2. – С.145–153 (0,6 п.л.)

2. Зуенко И.Ю. Последний урок старшего брата: проблема политической реформы в Китае и перестройка в СССР / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 58–71 (0,8 п.л.)

3. Зуенко И.Ю. Развитие системы административно-территориального устройства провинции Хэйлуцзян: 1982–2014 гг. / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 187–209 (0,8 п.л.)

4. Зуенко И.Ю., Чубаров И.Г. Возможная урбанизация периферийных территорий (на примере российско-китайской границы) / И.Ю. Зуенко, И.Г. Чубаров // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 3. – С. 10–17 (1 п.л. / 0,5 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных журналах и монографиях:

1. Зуенко И.Ю. Бюрократия в условиях фронта: проблема эффективности региональных властей в российско-китайских отношениях / И.Ю. Зуенко // Журнал фронтальных исследований. – 2017. – № 1. – С. 51–64 (0,8 п.л.)

2. Зуенко И.Ю. Как управляется китайский город: изменения за 35 лет реформ / И.Ю. Зуенко // Вестник Московского государственного университета управления. – 2016. – № 3. – С. 15–22 (1 п.л.)

3. Зуенко И.Ю. Политическое развитие северо-восточных провинций КНР в начале XXI в. / И.Ю. Зуенко // История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5 Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – С. 105–164 (2,5 п.л.)

4. Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы / И.Ю. Зуенко // Известия Восточного института ДВФУ. – 2016. – № 2. – С. 4–12 (1 п.л.)

5. Зуенко И.Ю. Региональное сотрудничество регионов России со странами Северо-Восточной Азии / И.Ю. Зуенко // Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / под ред. Г.Д. Толорая; Институт экономики РАН. — М.: Дашков и К°, 2016. – С. 245–248 (0,3 п.л.)

6. Зуенко И.Ю. Центр-региональные отношения в КНР: историография и опыт составления источниковой базы / И.Ю. Зуенко // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2020. – № 4. – С. 71–90 (1 п.л.)

7. Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в

современном Китае / И.Ю. Зуенко // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 5. – С. 30–46 (1 п.л.)

Статьи в сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:

1. Зуенко И.Ю. Игра в демократию: эволюция политического режима как фактор формирования региональной системы власти и управления в КНР в период экономических реформ / И.Ю. Зуенко // Азиатско-Тихоокеанский Регион: конкуренция культур, государств, идей. XV всероссийская научная конференция молодых ученых (Владивосток, 25–26 апреля 2016): материалы конференции. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – С. 4–5 (0,2 п.л.)

2. Зуенко И.Ю. Особенности политического процесса в северо-восточных провинциях КНР в 1976–1978 гг. / И.Ю. Зуенко // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К столетию Синьхайской революции. Тезисы докладов XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – Москва: ИДВ РАН, 2011. – С. 256–258 (0,2 п.л.)

3. Зуенко И.Ю. Особенности развития системы административно-территориального деления в современном Китае / И.Ю. Зуенко // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. – С. 343–351 (0,6 п.л.)

4. Зуенко И.Ю. Подходы современного руководства КНР к трансформации политического режима / И.Ю. Зуенко // Общество и государство в Китае. – М.: ИВ РАН, 2013. Том 43, № 2. – С 414–416 (0,2 п.л.)

5. Зуенко И.Ю. Сравнительный анализ системы самоуправления соседской общины городских жителей в России и КНР / И.Ю. Зуенко // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика. XIII-я Всероссийская конференция молодых учёных (с международным участием). Владивосток, 18-22 апреля 2012 года: материалы конференции. – Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2012. – С. 20–22 (0,2 п.л.)

6. Зуенко И.Ю. Тенденции развития системы самоуправления городских жителей в КНР / И.Ю. Зуенко // *Orientalistica Iuvenale*.

Материалы съезда молодых востоковедов России и СНГ, г. Звенигород. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 35–40 (0,6 п.л.)

7. Зуенко И.Ю. Устройство региональной власти в КНР и проблемы российско-китайского регионального сотрудничества / И.Ю. Зуенко // Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность: XIV всеросс. науч. конф. молодых ученых (с международным участием), 12–14 мая 2014 г.: материалы конференции. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. – С. 42–44 (0,2 п.л.)

8. Зуенко И.Ю. Формирование системы местного самоуправления в КНР на современном этапе / И.Ю. Зуенко // История и культура России и стран АТР. Материалы XII всероссийской научной конференции молодых ученых. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. – С. 39–41 (0,3 п.л.)

9. Zuenko I. Center-Local Relations in Modern PRC: Problems and Effects of Centralization / I. Zuenko // Papers of XX Biennial Conference of the European Association for Chinese Studies. – Portugal: Braga, Coimbra, EACS, 2014. – P. 136–138 (0,3 п.л.)

Научные статьи в изданиях, рекомендованных ВАК, по смежным тематикам:

1. Зуенко И.Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР / И.Ю. Зуенко // Известия Восточного института. – 2018. – № 2. – С. 85–98 (1 п.л.)

2. Зуенко И.Ю. Китайская политика в эпоху Си Цзиньпина: переоценка принципа коллективного руководства / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. – 2017. – № 2. – С. 231–235 (0,4 п.л.)

3. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы / И.Ю. Зуенко // Известия Восточного института. – 2015. – № 2. – С. 51–59 (0,8 п.л.)

4. Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014-2017) / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. – 2018. – № 1. – С. 118–132 (1 п.л.)

5. Зуенко И.Ю., Зубань С.В. Трансконтинентальный транзит Азия–Европа / И.Ю. Зуенко, С.В. Зубань // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 7, т. 60. – С. 70–76 (0,6 п.л. / 0,3 п.л.)

6. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Савченко А.Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке / И.Ю. Зуенко, С.А. Иванов, А.Е. Савченко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – № 11. – С. 105–113 (1 п.л. / 0,3 п.л.)

7. Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. Движущие силы российского поворота на Восток / И.Ю. Зуенко, А.Е. Савченко // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 1. – С. 111–125 (1 п.л. / 0,5 п.л.)

8. Зуенко И.Ю., Сонин В.В. Правовые ограничения и неформальные практики землепользования китайских фермеров на Дальнем Востоке России / И.Ю. Зуенко, В.В. Сонин // *Правоприменение*. – 2017. – № 1. – С. 57–65 (1 п.л. / 0,5 п.л.)

9. Gabuev A., Zuenko I. The Belt and Road in Russia: Evolution of Experts Discourse / A. Gabuev, I. Zuenko // *Russia in Global Affairs*. – 2018. – № 4. – P. 142–163 (1 п.л. / 0,5 п.л.)